

ВОСПОМИНАНИЯ И СТИХИ А. О. ПРИДАННИКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

История Гражданской войны на Южном Урале продолжает вызывать широкий общественный интерес. Одним из перспективных направлений работы является введение в научный оборот прежде неизвестных исторических источников¹.

В ряду ценнейших свидетельств о событиях Гражданской войны периода 1919–1921 гг. находятся малоизвестные воспоминания оренбургского казачьего офицера Андрея Осиповича Приданникова. В одной из редакций эти воспоминания были опубликованы в Омске в 2002 г. тиражом 200 экземпляров и стали библиографической редкостью². При этом немалая часть письменного наследия Приданникова остается неопубликованной.

А. О. Приданников родился в 1897 г. в пос. Лапинском Уйской станицы 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. В 1910 г. окончил поселковую школу, в 1914 г. — четырехгодичное городское училище в станице Уйской. Работал учителем. Жил Приданников очень скромно: жалованья учителя едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Призыву в армию он подлежал в 1918 г. Способом избежать больших расходов при сборах на военную службу стало поступление в военное училище.

В 1917 г. Андрей Осипович стал юнкером Оренбургского казачьего училища. Начавшаяся на Южном Урале Гражданская война привела к тому, что молодой юнкер разделил судьбу своего военно-учебного заведения. Он участвовал в походе юнкеров из Оренбурга на Уральск в январе 1918 г., когда казаки были вынуждены временно оставить свою войсковую столицу. Позднее вместе с училищем был эвакуирован в Иркутск. Училище Приданников окончил летом 1919 г. и был произведен в прапорщики (с 3 июля 1919).

Приданников поступил на службу в Атаманский казачий полк 2-го военного округа ОКВ, входивший в состав 4-го Оренбургского армейского корпуса под командованием генерал-майора А. С. Бакича³. В рядах этих формирований офицер участвовал в Голодном походе Оренбургской армии (переименованной из Южной) в конце 1919 г. Позднее служил в Семиречье, а в марте 1920 г. перешел китайскую границу в составе войск генерала Бакича и был интернирован в Западном Китае (Синьцзяне), неподалеку от советской границы.

После того как в 1921 г. советские представители договорились с китайскими властями о военной операции по ликвидации сил Бакича на территории Китая, белым пришлось спешно уходить вглубь Китая. Приданников участвовал в новом походе, а позднее добрался до Монголии. Затем он покинул Отдельный Оренбургский корпус Бакича и из Монголии вновь попал в Китай — сначала в г. Гучен, а далее в Пекин и Ханькоу. В последнем городе офицер женился.

К сожалению, сведения об эмигрантской жизни Приданникова крайне скудны. Известно, что начало Второй мировой войны примерно совпало для него с новым большим переселением. Андрей Осипович с супругой Евдокией Тимофеевной тогда покинули Китай, 19 октября 1939 г. через Гонконг они прибыли в Австралию и поселились в Брисбене. Приданников устроился на мебельную фабрику русского предпринимателя Угличина (судя по фамилии, видимо, также оренбургского казака). Умер Андрей Осипович 1 января 1971 г. от тяжелой болезни. Его сын Юрий (Георгий),

родившийся 4 мая 1941 г., жил в Брисбене и скончался там же 8 марта 2022 г. У него были сестры Вера и Нина. В настоящее время род Приданниковых продолжают внуки офицера — Татьяна и Андрей.

К сожалению, омское издание воспоминаний не было снабжено какими-либо комментариями, а короткая биографическая справка об авторе содержала неточности. Небольшое предисловие к книге написал омский журналист и краевед Л. М. Флаум, но оно не касалось личности мемуариста и даже почти не затрагивало описанных им событий. Неизвестно и происхождение рукописи, положенной в основу книги. Неопубликованным осталось поэтическое наследие Приданникова, хотя отдельные его стихотворения ранее публиковались⁴.

Другой неполный вариант воспоминаний в виде ксерокопии машинописи хранится в Москве, в архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ)⁵. Воспоминания Приданникова были не ранее 1980 г. переданы в собрание А. И. Солженицына однополчанином Приданникова М. С. Чебековым⁶. Во всяком случае, именно он снабдил рукопись своими пояснениями о ее авторе: «г. Брисбен Австралия. Автор этих стихов офицер, казак-оренбурец Андрей Приданников. Подтверждаю это, как сослуживец-однополчанин Михаил Степанович Чебеков. 13 апреля 1980 г.»⁷. Название рукописи также дал Чебеков: «Незаконченный дневник оренбургского казака офицера Андрея Осиповича Приданникова, умершего 1 января 1971 г. Отступавшего в Китай в южном направлении через Семиречье с атаманом Анненковым и ген. А. С. Бакич. Примечание М. С. Чебекова. 4 июля 1977 г.»⁸. На втором листе рукописи указан шифр, данный Солженицыным, а также написано: «Через Чебекова»⁹. Впоследствии архив рукописей, которые эмигранты присылали Солженицыну, попал в Москву и составил основу документальной коллекции ДРЗ.

Название, которое дал рукописи Чебеков, ошибочно, поскольку повременных записей в тексте нет. Соответственно, это не дневник, а воспоминания. Впрочем, вполне возможно, что в основе записей за отдельные периоды (например, за время отхода белых из лагеря на р. Эмил в Западном Китае в 1921 г. и дальнейших скитаний, описанных поденно) лежали дневниковые заметки.

При сопоставлении омского издания и московской рукописи можно сделать ряд наблюдений. Рукописный экземпляр несколько отличается от опубликованного. Начинается текст с событий лета 1919 г., тогда как опубликованный вариант открывается главой «Первые “университеты”», описывающей жизнь мемуариста с рождения и до революции. Окончание в рукописи также отсутствует. Нет в ДРЗ и литературного произведения «Рассказ Кузьмича», которым заканчивается книга. Сравнение двух текстов показывает, что это разные редакции одних воспоминаний. Мемуарист обладал очевидным литературным талантом, поэтому его тексты читаются как беллетристика.

Помимо воспоминаний в прозе Приданников оставил и уникальные в своем роде стихотворные воспоминания¹⁰. В каких-то случаях стихотворные и прозаические воспоминания дополняют друг друга. Стихи незамысловаты, но отражают переживания участника Гражданской войны, включая те периоды, которые не отражены в традиционных воспоминаниях. Например, события конца 1917 — начала 1918 г. в Оренбурге:

Уходят юнкера — всего лишь полусотня.
Другая — где-то там, еще под Каргалой.
В станицах нелады, берутся не с охотой
За дедовскую сталь, что ведалась с Ордой...

А также казачье восстание весной 1918 г.:

Берданкою и Гра, и редко «трехлинейкой»,
Сабан и борону сменили казаки,
Кто с пикой старою, кто с шапкой-лиходейкой
Спешат со всех станиц в отряды и полки.

Молодой офицер в стихотворной форме описал свое возвращение в Оренбург, приезд в разоренное красными училище, дни учебы и новую оборону города зимой

1918/1919 гг. Стихотворение «Воспоминания» обрывается на приезде автора на учебу в Иркутск.

В прозе Приданников описывал беспокойную обстановку в Сибири летом 1919 г. Ехавшие на фронт новоиспеченные офицеры опасались нападения партизан и диверсий на железной дороге. На наиболее опасном участке всем раздали винтовки. Кроме того, много было советских агентов. Мемуарист зафиксировал, как удалось разоблачить двух таких агентов с офицерскими погонями в карманах. Позднее они были повешены. Описывает мемуарист и случаи столкновений войск с местным населением, самосудов, карательные мероприятия белых, массовое дезертирство, тяжелейшее, голодное положение военнопленных. Сцены из жизни тыла вызывали возмущение. И хотя белые уже отступали к Уралу, молодые офицеры верили в победу.

После выпуска летом 1919 г. Приданников попал в родное войско на Южный Урал. Офицер считал своим долгом быть активным участником борьбы с большевиками, тем более что на Урале казаки защищали родные станицы от красных.

Власть белых в регионе тогда переживала свои последние месяцы. Под ударами частей Красной армии войска адмирала А. В. Колчака отступали на Урал и в Зауралье. Южная армия, действовавшая на территории Оренбургской губернии, оказалась в выдвинутом положении относительно главных сил белых. Чтобы избежать окружения, пришлось отступать и этим формированиям. Отход армии сопровождался массовыми сдачами в плен, но непримиримые отказались сдаваться и продолжили борьбу, уйдя из родных мест.

Путь на фронт и скитания по степям заняли около трех месяцев. Долгие скитания на пути к фронту позволили составить прекрасные путевые заметки, включающие описания природы и быта местных жителей. Когда Приданников наконец добрался до своей части, выяснилось, что Оренбургская армия белых находится в глубоком отступлении. Он подробно описывал отступление корпуса, в котором служил. Отход происходил по малонаселенным местам, что усложняло добычу продовольствия, поиски жилья. В войсках началась эпидемия тифа. Умиравших иногда не успевали похоронить, оставляя это на местных жителей. Больные лечились в лазаретах. Численность войск резко сократилась. Например, сотня Приданникова в начале похода насчитывала 250 человек, а приблизительно к ноябрю 1919 г. сократилась до 50–60 человек. Боевой дух упал. В октябре стало ясно, что, скорее всего, белые навсегда потеряли Урал, а следовательно, родные для многих станицы. Часть казаков была вынуждена бросить в станицах семьи, более спокойно отступление воспринимали холостые. Замаячила угроза отхода в неизвестность, пугавшая личный состав. Кроме того, началось похолодание, а зимнего обмундирования не подвезли. Все это вело к росту дезертирства. Под Акмолинском, например, остались казаки 22-го и 35-го Оренбургских казачьих полков, отказавшиеся отступать дальше.

Описание отступления белых — одна из ярчайших частей воспоминаний офицера. У немногочисленного местного населения отходившая армия забирала все что можно — продукты питания, фураж (сено, солому, овес), транспорт (фургоны и телеги), теплую одежду. Иногда забирали самих местных жителей с подводами для перевозок и долго не отпускали. За реквизированное имущество платили далеко не всегда. Такие действия озлобляли жителей. С наступлением зимнего времени ситуация осложнилась. Помимо больных тифом появились обмороженные и замерзшие. Войска стали чаще прибегать к насильственным реквизициям. Как свидетельствовал Приданников, «жители приходили в ужас, глядя на непрерывное движение обозов и частей в течение двух последних недель. На задаваемые вопросы, куда это такая масса народу идет, конечно, определенного ответа не было, двигались по инерции пока хватало сил. Одно было желание у всех: как можно дальше уйти от красных»¹¹.

Управление войсками оставляло желать лучшего. Связи практически не было. Армия не знала, что происходит в «белой» Сибири. Сопротивления красным почти не оказывали, а в некоторых случаях отступавшие даже утратили соприкосновение с противником.

Особенно тяжелым было отступление от Каркаралинска до Сергиополя в декабре 1919 г. Встреча с войсками атамана Б. В. Анненкова в Семиречье оставила у отступавших дутовцев неприятный осадок. Анненковцы были настроены недружественно,

считая, что разложившиеся части Оренбургской армии ведут за собой в регион красных. Приданников описал перемены в командовании, когда отступившие части были подчинены Анненкову.

Весной 1920 г. мемуарист с товарищами попал в Китай, что изменило всю его жизнь: в результате Гражданской войны 23-летний парень из уральской глубинки навсегда лишился родины. С момента перехода китайской границы начинаются стихотворные мемуары (поэма) Приданникова «На чужбине»:

Прощальный взгляд на родину бросая,
Патроны постреляв последние с коня,
Уходят казаки через рубеж Китая
В холодный вечер мартовского дня.

Оренбургский отряд под командованием генерала Бакича, перейдя в Китай, сдал оружие и разместился лагерем на р. Эмиль в 35–40 верстах от пограничного г. Чугучака. Приданников служил в Оренбургском казачьем дивизионе. Китайцы по дорогам из лагеря установили свои комендантские заставы. Постепенно лагерь обустроивался, но питание было очень скудным. Многие начали тосковать по родине, кто-то стремился вернуться домой.

Поскольку Приданников был младшим офицером, он близко соприкасался с бытовой стороной лагерной жизни, чем особенно ценны эти разделы его воспоминаний. В лагере налаживалось хозяйство. От каждого полка в горы отправляли табуны лошадей в сопровождении специальных команд для наблюдения. Открылись дивизионные хлебопекарни. Некоторые беженцы стали промышлять рыболовством. Кто-то плел корзины, занимался портняжным делом. Большинство же не предполагало, что пребывание в лагере затянется, и ничего не делало. При этом жизнь беженцев протекала в полной изоляции от внешнего мира. Не было известно даже, что происходит по ту сторону границы.

По случаю праздника Оренбургского войска были устроены скачки, на которые пригласили китайского губернатора. Устраивались соревнования по джигитовке и борьбе. Разумеется, празднование в суровых беженских условиях сопровождалось интенсивным употреблением китайской водки, что привело к потасовкам. Пьянство в целом приобрело характер бедствия и порой приводило к крахам, увечьям и пр. Отдельные беженцы промышляли грабежами.

Прокатился по отряду слух и о зверском убийстве анненковцами семьи полковника Ф. С. Луговских еще при отходе из России. После этого немногочисленные анненковцы были вынуждены покинуть лагерь.

Часть чинов отряда решила вернуться в Россию. Кто-то опасался возвращаться из-за угрозы репрессий. После отъезда всех желающих лагерь опустел, что сказалось на настроениях оставшихся. Впрочем, сокращение отряда привело к улучшению снабжения.

Летом 1920 г. два месяца Приданников провел в горах, охраняя табун лошадей. Жить приходилось вблизи советской границы, что было сопряжено с определенным риском, так как в эти места нередко добиралась советская конная разведка. Тем не менее пребывание в горах прошло благополучно. Приближались осенние холода, поэтому в лагере занялись обустройством землянок. Для Приданникова землянка сооружалась артелью из восьми человек. Столом ему служил ящик из-под снарядов. Затем начался период заготовки дров на зиму.

Размещение вблизи советской границы свидетельствовало о каких-то надеждах, связывавшихся с этим, — возможно, о планах реванша за поражение. Однако никаких конкретных действий в этом направлении не предпринималось. Изменения в жизни отряда последовали в связи с развернувшимися на советско-китайской границе событиями. В середине осени 1920 г. после неудачного восстания в район Чугучака через Монголию пришел отряд повстанцев под командованием офицера Сибирского казачьего войска есаула Д. Я. Шишкина численностью до 800 человек. Когда выяснилось, что у Шишкина в отряде условия лучше, начался отток людей из лагеря на р. Эмиль. После того как у Шишкина иссякли средства, казаки начали возвращаться назад.

Тягостным временем оказалась зима 1920/1921 гг. в лагере. Чтобы как-то скрасить унылые будни, казаки организовали самодеятельный театр, открыли библиотеку, при штабе отряда начал издаваться машинописный журнал «На чужбине», где печатались юмористические заметки о лагерной жизни, а также стихи, выдержки из писем и слухи. Для детей были устроены школы, но не хватало учебников. Перед Рождеством часть землянок после бурана оказалась занесена снегом. Людей, просидевших в снежном плену несколько дней, приходилось откапывать, а продукты и дрова им передавали через печную трубу. Затем пришло известие об убийстве в Суйдине атамана А. И. Дутова, что усугубило настроения в лагере, существовавшем без малого год.

Сменялись дни, ползли, как нехотя, недели.
Нет-нет да налетал и буйствовал буран.
Вдруг весть в отряде громом пролетела —
Убит в Суйдуне Дутов-атаман.

Упали духом казаки в досаде,
Что не сумели Дутова сберечь, —
Убийцы скрылись. Стыд такой отряду —
Отточенный клинок не снял голов их с плеч.

Доверьем пользуясь, под видом порученья
Явились к Дутову злодеи. И сражен
Еще один вождь Белого движенья,
Погиб в чужой стране, никем не отмщен...

Многие осознали, что новый поход в Россию без Дутова уже не состоится. С другой стороны, весна 1921 г. принесла слухи о крестьянских восстаниях в России. Жизнь на р. Эмилль шла своим чередом. Лагерники стали устраивать огороды, а Бакич переименовал отряд в Отдельный Оренбургский корпус.

В полках с весной разбили огороды,
Садили семена в разделанные грядки,
И ждали, что вот-вот зазеленеют всходы.
Стоит и чучело для полного порядка...

Однако мирная жизнь продлилась недолго. В мае 1921 г. в район лагеря пришла Народная дивизия сибирских крестьян-повстанцев под командованием С. Г. Токарева. Это событие стало поводом для последующей ликвидации лагеря. Повстанцы при помощи Бакича попытались переправить через границу оружие, чтобы не сдавать его китайским властям. «Народники», как стали называть новоприбывших у Бакича, вошли в его подчинение. Разумеется, концентрация в приграничном районе больших вооруженных групп русских вызвала осложнения. Непрогнозируемых последствий опасались как китайские власти, так и советское руководство. Результатом стало советско-китайское соглашение о вводе частей РККА на китайскую территорию для ликвидации белых.

На границе стало заметно оживленнее. Частям в лагере были розданы винтовки. Генерал Бакич отдал приказ приготовиться покинуть район р. Эмилль.

В полках обозы кое-как собрали
И к штабу корпуса стянули их, и там
Всю ночь голодные до света простояли,
Разбившись группами в порядке по полкам.

Охранные посты китайцев разоружив,
Проехал Бакич, а за ним вперед
Пошел отряд, законы все нарушив,
Куда-то на Кобук наметив свой поход...

Части РККА вошли на китайскую территорию, но белым удалось вырваться. Начавшийся полуторамесячный поход проходил в сложных условиях. Красные преследовали. Маршрут отхода сил Бакича пролегал к рр. Кобук и Черный Иртыш, а далее — к г. Шара-Сумэ. В конце концов белые сумели оторваться от преследователей. Никто не мог предположить, что это лишь начало новых скитаний по Китаю и Монголии протяженностью почти полтора года.

Уйдя от преследования, корпус расположился лагерем на р. Кран у Шара-Сумэ, снова неподалеку от советской границы, что вызывало беспокойство. Белые также захватили г. Бурчум, взяв под свой контроль Алтайский округ Синьцзянской провинции Китая.

Китайский городок Шарасумы в тревоге —
Идет гроза, беды не избежать.
Спасаться, но куда, какой бежать дорогой?
А помощи, защиты неоткуда ждать.

Грозил китайцам Бакич лютой карой,
Коль не снабдят продуктами отряд.
Китайцы с хуторов бегут, как от пожара,
Бегут, как от чумы, куда глаза глядят.

В районе Шара-Сумэ решили задержаться, чтобы дать войскам отдых.

Решено Бакичем в Шарасумах остаться
И ждать, когда созреет в поле хлеб,
Чтоб запастись зерном, немного сил набраться,
Чтоб у людей в отряде дух окреп.

В планах Бакича был поход в Россию, хотя это и являлось авантюрой в тех условиях. Однако в конце августа 1921 г. красные вновь организовали операцию по ликвидации белых. Но корпус вновь смог уйти, на этот раз в Монголию. Возле оз. Толбо-Нур бакичевцы соединились с войсками есаула А. П. Кайгородова, осаждавшими красных в монастыре Саруль-гун. Осада при участии бакичевцев продолжалась более месяца, но успехом не увенчалась. Дисциплина в это время уже оставляла желать лучшего. Генерал Бакич пытался наказывать за неподчинение, но ничего не помогало. Наступали холода. Пайки были скудными. Чувствовались холод и голод. Борясь за выживание, некоторые чины занялись воровством. Начались конфликты и в командном составе. Утомленные за время осады казаки стали уходить из корпуса. В частности, в ночь на 19 октября 1921 г. от Бакича откололась крупная группа полковника Д. В. Кочнева, в которой находился и Приданников.

И тысячи бойцов в отряде не осталось,
А был ведь корпус — шутка ли сказать, —
Был доблестным в боях, с ним недруги считались...
Но все ушло, распалось, не собрать...

Благодаря уходу от Бакича Приданников сумел избежать выдачи в Советскую Россию и репрессий, тогда как многих оставшихся ждала эта участь. Дивизион Приданникова двинулся на г. Кобдо, примкнув по пути к отряду полковника В. Ю. Сокольницкого (бывшему отряду Кайгородова). Из Кобдо решили идти снова в Китай. Всего в дивизионе насчитывалось до 700 человек. При переходе в Китай в декабре 1921 г. пришлось сдать оружие. Зазимовали возле границы с Монголией на р. Булугун. Для характеристики восприятия действительности интересно отметить, что в отряде короткое время выходила газета «Булугунское болото». Лагерь в чем-то напоминал жизнь на р. Эмиль, но с лучшим питанием. О судьбе корпуса Бакича ничего не знали. Весной 1922 г. дивизион начал распадаться — люди стали группами уезжать из лагеря. В этом лагере Приданников прожил до сентября 1922 г. После этого с остатками дивизиона отправился в г. Гучен.

Резюмировал Приданников следующими словами: «Много было всего пережито за время полуторагодичного странствования по пустынным и безлюдным местам. Много соратников осталось на этом пути, чьи одинокие могилы являются свидетелями той трудности и опасности, в какой приходилось бывать казакам во время похода. Редкая стоянка не помечена могильными крестами или просто могильными холмиками. И все это теперь осталось позади. Но оно никогда не забудется участниками, прошедшими через все эти невзгоды и лишения. Теперь, очутившись снова среди мирной обстановки, первым долгом для каждого должно быть стремление привести себя в человеческий вид — одеться, обуться и освободиться ото всего навеянного уродливостью жизни»¹².

Казаки обсуждали идею своей отправки на Дальний Восток, где еще продолжалась борьба с красными, но этот план реализован не был. В ноябре 1922 г. сводный русско-инородческий отряд расформировали, кочевая жизнь офицера наконец завершилась. Начался новый период, в котором каждый из эмигрантов был сам за себя. Однако память о пережитом в былых походах по России, Китаю и Монголии сохранили для потомков строки стихов и прозы забытого казачьего офицера.

Примечания

¹ См., например: Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: воспоминания, документы и материалы / под ред. А. В. Ганина. М., 2022. 480 с.

² Приданников А. О. Вычеркнутые из истории: записки очевидца / публ. В. В. Винклера, Л. М. Флаума. Омск, 2002. 163 с.

³ Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. 238 с.

⁴ Ларкина Л. Л. Уральские казаки в Квинсленде. Брисбен, 2011. 376 с.

⁵ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14.

⁶ По-видимому, именно ему принадлежит недавно опубликованный дневник гимназиста Хвалынской мужской гимназии за 1917–1918 гг. (Чевеков М. С. «Будет ужасная внутренняя война...»: дневник Михаила Чевекова // Россия 1917 года в эго-документах: дневники / под ред. Н. В. Суржиковой. М., 2017. С. 112–131). В комментариях к публикации ошибочно указано, что Чевеков умер в 1936 г. (Там же. С. 482).

⁷ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 225.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ В книге Л. Л. Ларкиной автобиографические стихи Приданникова датированы 1924 г. (Ларкина Л. Л. Указ. соч. С. 156).

¹¹ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 38.

¹² Там же. Л. 158.